
**ПЕРСОНАЖИ АРМЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК
ПО ИХ СОСЛОВНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЗАНЯТИЯМ**
(Опыт количественного анализа)

Кандидат филол. наук С. А. ГУЛЛАКЯН

Сказка как жанр по характеру своему камерна, в каждой отдельно взятой сказке действующих лиц немного. Но в целом мир сказочных персонажей отличает пестрое многолюдство—здесь мужчины и женщины всех возрастов, представители самых разных сословий и самых разных профессий. Разобраться в этом смешении лиц, выяснить, под какими обозначениями фигурируют персонажи в повествовании—значит во многом ответить на вопрос, каково содержание национального сказочного репертуара, какой круг явлений реальной действительности оказался вовлеченным в сферу сказок.

Чтобы ответы на эти вопросы имели убедительный характер, отражали истинное положение дел, необходимо исследовать достаточно представительную совокупность текстов. Предметом нашего исследования, целью которого является раскрытие внутреннего мира армянских волшебных сказок, стали тексты, опубликованные в 10-томном издании АН АрмССР «Армянские народные сказки» (далее—АНС) и в ряде дореволюционных изданий. Их оказалось 570. Записанные в период с 1860 по 1965 гг., они отражают довольно устойчивую традицию бытования и могут дать материал для первичного обобщения в пространстве и времени.

Инструментом, при помощи которого были выявлены все реалии и связанные с ними мотивы, явился составленный нами мотивный указатель¹. Систематизированный мотивный указатель дает ответы на многие вопросы, возникающие в ходе изучения сказок, и в том числе—как обозначаются персонажи в армянских волшебных сказках. В основном персонаж именуется по полу (девушка, юноша), по возрасту (мальчик, старик), по положению в семье (отец, мать, муж, жена), по национальной принадлежности (араб, курд, цыган), социальному статусу (царь, нищий, богач, бедняк), по профессии (ашуг, кузнец, рыбак, охотник).

Как обозначен персонаж—царевич, рыбак или просто юноша—для сюжета безразлично, однако очень существенно для характерис-

¹ Методика составления подобных указателей, разработанная доктором филол. наук И. Г. Левиным (Ленинград), описана нами в статье «О персонажах армянских волшебных сказок» («Вестник Ереванского университета», 1979, № 1).

тики национального репертуара. Именно такие детали создают в сказках некоторую специфику. В этом смысле обозначения по полу, возрасту, семейному положению не так специфичны, как обозначения по национальному, сословному и профессиональному признаку. Заведомо можно сказать, что в сказках любого народа встретится и девушка, и юноша, и мачеха, и старик, и старуха. Но если персонажи названы *везир, дервиш, араб, курд, ашуг, канатоходец*, то уже можно говорить о каком-то местном колорите, о влияниях, испытанных репертуаром, о принадлежности его к тому или иному региону.

Очень важен также количественный момент, так как, выявив какое-либо обозначение, мы еще не можем определить его место в потоке текстов: одно дело, если оно встречается один раз, другое—если встречается 100 раз. Из сопоставления частотности обозначений можно сделать вывод, что одни персонажи нехарактерны для армянского репертуара, другие, напротив, традиционны, устойчивы. Между тем без количественного анализа все они могли бы предстать как равноценные.

Итак, какие же сословия и профессии и в каком количественном соотношении представлены в армянских волшебных сказках?

В группе, в которой объединены персонажи по сословному признаку, насчитывается 57 обозначений. Уже сама эта многочисленность (обозначений по полу и возрасту в нашем корпусе 10, по семейно-родственным отношениям—37) говорит о том, что обозначение персонажей сословным знаком очень характерно для армянских волшебных сказок. В них представлены различные социальные группы, в том числе самые высокие (царь, император) и самые низкие (нищий).

Обозначения по сословиям могут быть разделены на ряд подгрупп: 1) аристократия, 2) чиновники, 3) военные, 4) крестьяне, рабочие, слуги, 5) имущие и неимущие, 6) духовные лица.

Группа «Аристократия» невелика по числу обозначений, но включает в себя несколько типичных, самых «сказочных» персонажей. Это *царь, халиф, император, паша, царевич, царевна, царица, ханум, князь, придворные*.

Царь (*թագապետ*)—персонаж, который стоит на первом месте по частотности среди других (371 текст). *Царь*, хоть и присутствует в 65% текстов, редко бывает центральным персонажем, за исключением тех случаев, когда он заменяет царевича. В основном же *царь*—второстепенный персонаж в сказках: отец царевны или царевича, он часто является тем лицом, который вызывает героя на действие.

Нередко *царь* присутствует только в экспозиции сказки—умирая, запрещает сыновьям сделать что-то или завещает выполнить какие-то его требования.

Роль царя в повествовании не ограничивается тем, что он отправляет царевича на поиски девушки, птицы или какого-нибудь драгоценного предмета, ставит перед ним трудные задачи. Есть и другие дей-

ствия, которые совершает только он: награждает и казнит, женит героя; переодевшись дервишем, ходит по своей стране и т. д.

Обозначения *император, паша, халиф* являются синонимами обозначения *царь*, они встречаются каждый в одном-единственном тексте.

Царевич (*թագա՛վորի տղա*) — большей частью герой повествования, действия его организуют сюжет (250 текстов). Обозначение *царевич* настолько традиционно и привычно, что легко, без всякой натяжки заменяет другой персонаж соответствующей номенклатуры. Сила традиции такова, что герой называется царевичем и тут же сообщается, что он был пастухом (АНС, т. 3, № 22; т. 4, № 25; т. 10, № 11).

Младший царевич противопоставляется старшим братьям. Поскольку в армянских волшебных сказках превалирует царская семья, то сказочные семейные конфликты разворачиваются именно в ней. В армянском репертуаре присутствуют все те широко распространенные типы сказок, в которых фигурирует младший царевич. Идеализация младшего сына очень характерна для армянских волшебных сказок. Это может объясняться влиянием, с одной стороны, западноевропейского репертуара («сказок о младшем брате в западноевропейском фольклоре великое множество», — пишет Е. М. Мелетинский²), с другой — конкретных социальных коллизий. «Сказка о братьях отразила распад патриархальной общины (которой в сказке соответствует семья), показав соперничество и борьбу старшего и младшего — разрушителя общинных устоев и их хранителя... Идеализация младшего брата в сказке есть идеализация социально обездоленного в результате разложения родового коллективизма индивида, оставшегося верным родскому коллективизму. Самое понятие младшего постепенно приобретает социальный смысл и сливается с понятием социально обездоленного»³.

Обозначение *царевна* (*թագա՛վորի աղջիկ*) встречается в 175 текстах. Круг ее действий иной, чем у царевича, но характеристики совпадают, особенно младшей царевны.

Подгруппа «Чиновники» включает в себя персонажи, которые можно отнести к должностным лицам. Тут четко различаются обозначения, идущие от ближневосточного репертуара, в частности турецкого, и обозначения, связанные с реалиями современной жизни. *Векиль* — наместник (2 текста), *везир* — самое высокое должностное лицо в султанской Турции (86 текстов), *лала* — воспитатель султанских сычовей (1 текст), *назир* — приближенный шаха, министр (16 текстов), *садра-зам* — великий везир Турции или первый министр во времена правления султанов (4 текста), *сираскяр* — главнокомандующий, военный министр (2 текста), *чибухчи* — слуга, который набивает чибух (трубку) табаком, подает огонь (2 текста). Эти обозначения перешли в армянский репертуар из турецкого и все они так или иначе относятся к придвор-

² Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958, стр. 134.

³ Там же, стр. 160.

ной службе. Большинство их—случайные персонажи, фигурирующие в одном-двух текстах. По всей вероятности, это заимствования языкового характера, не связанные с тем или иным сюжетом.

Везир (*վեզիր*)—одна из характерных и выразительных фигур в армянских волшебных сказках, персонаж—устойчиво традиционный. Именно благодаря своей традиционности он легко входит в любой сюжет, заменяя собой любой персонаж—как мужчину, так и женщину. Так, в сюжете № 892 по Аарне—Томпсону⁴ он заменяет купца, в сюжете АТ 403 мачеху, служанку. Отношение к нему двойственное—он может быть и недругом героя, и его помощником и советчиком. Сравнив характеристику везира армянских сказок с той, которую дает Н. К. Дмитриев везиру турецких сказок, нетрудно убедиться, что они достаточно близки: «Везир—чаще всего именно «лукавый царедворец» и тайный злодей, чем «верный советник» падишаха. Своя особая линия, которую иногда ведет в сказках везир... очевидно, намеки на те дворцовые интриги, которыми полна история султанской Турции»⁵. В армянский репертуар персонаж явно перешел из турецкого.

Персонаж, обозначенный *назир-везир* или просто *назир*, действиями и характеристикой не отличается от везира.

Обозначения *губернатор* (1 текст), *судья* (4 текста), *староста* (6 текстов), *сторож* (3 текста), также относящиеся к подгруппе «Чиновники», рождены не сказочной традицией, а реальной повседневной действительностью.

Губернатор (*գործընտիր*)—одно из тех немногих, но примечательных обозначений, которые не переводились, а заимствовались из русского языка. В сюжете АТ 561 *губернатор* заменяет традиционного царя—отнимает волшебный ларчик у героя.

Таким образом, в этой подгруппе только два обозначения—*везир* и *назир-везир*—могут быть отнесены к традиционным персонажам. Остальные появились в сказках в результате языковых заимствований или под непосредственным влиянием социальных институтов действительности. Некоторые из этих новых обозначений заменили традиционные персонажи, став носителями устойчивых мотивов, другие же, будучи случайно привнесены в текст, превратились в своеобразную мету, которую реальная действительность наложила на сказочный текст. По этим метам можно судить о том, какие явления действительности попали в поле зрения сказителей, какое вызвали к себе отношение. Так, уже на примере этой небольшой группы видно, что власть, ее представители, начиная с самых высоких чинов и кончая сельским старостой, вовлечены в круг персонажей сказки.

⁴ The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen translated and enlarged by Stith Thompson, 2nd rev., Helsinki, 1961 (FFC, № 184); далее—АТ.

⁵ Н. К. Дмитриев, Турецкие сказки, в кн.: «Турецкие народные сказки», М., 1969, стр. 16.

Еще более показательна в этом смысле группа, в которую мы объединили всех действующих лиц, имеющих отношение к военной службе. Тут влияние окружающей жизни, ее отдельных явлений еще более разительно.

Генерал (1 текст), *военачальники* (1 текст), *всадник* (13 текстов), *солдат* (2 текста), *аскяры* (2 текста), *часовой* (1 текст), *войско* (30 текстов), *пленники* (1 текст), *жандарм* (1 текст), *пристав* (2 текста).

В этом перечне наиболее интересны *жандарм* (*ճանդարմ*) и *пристав* (*պրիստիսի*). Появление этих двух персонажей очень слабо мотивировано ходом сюжета. Эти обозначения—результат вторжения реальной жизни в сказочное повествование: заменить традиционный персонаж они не в состоянии, но могут взять на себя роль эпизодических, проходных лиц, которых тоже немало в каждом тексте. «Жандарм был поставлен в кофейне, построенной на дороге» (АНС, т. 9, № 62); «Пристав послал юношу в лес, чтобы его съели львы» (АНС, т. 5, № 69); «Пристав посадил юношу в яму, был избит царевичем» (АНС, т. 5, № 49). В повествовании сочетаются сказочный сюжет, фантастические персонажи и персонажи реальные, обыденные. Причем они присутствуют в сказке в своей обычной характеристике без каких-либо фантастических черт: жандарм поставлен, чтобы охранять кофейню, пристав угнетает бедняка. Сказка идет своим ходом, эти вкрапления, не нарушая ее хода, создают особый колорит, связывая традиционный сюжет с современной сказителю действительностью.

Подгруппа «Крестьяне, рабочие, слуги» невелика, обозначения ее почти исчерпываются названными.

Крестьянин, *крестьянка* (8 текстов), *рабочие* (1 текст), *прислужницы* (7 текстов), *слуга* (47 текстов), *служанка* (26 текстов).

Крестьянин—обозначение нечастое, может заменяться *бедняком*, *стариком*, *пахарем*.

Слуга (*սրբար*)—обозначение расхожее, встречающееся как в мотивах традиционных, так и случайных, необязательных. Персонаж этот часто появляется в мотивах, которые выполняют роль связки, напр.: «слуга рассказал младшему царевичу, что произошло с его братьями», «слуга рассказал хозяину, что произошло с гостями его жены», «слуга рассказал жене купца, как ее муж проиграл спор» и т. д.⁶ Как активное действующее лицо *слуга* (в ед. числе) большей частью характеризуется отрицательно по отношению к герою—он из зависти пытается расстроить свадьбу, клеветает на невинную девушку, пытается соблазнить ее, убивает ее детей и т. д. Персонажи, обозначенные *слуги* (в мн. числе),—исполнители чужой воли.

⁶ «...в сказке выработалась целая система осведомлений, иногда в художественно очень ярких формах... Этими осведомлениями в течение хода действия одна функция связывается с другой»—В. Я. Пропп, *Морфология сказки*, М., 1969, стр. 65. Примеры вроде приведенных нами Пропп называет «простейшим случаем осведомления» (там же).

Служанка (*ղիւրիւմ*)—персонаж характеристически также выразительный. Традиционные мотивы, носителем которых является *служанка*, чаще всего связаны с сюжетом АТ 403—служанка подменяет невесту царевича, надевает ее платье, а ее сталкивает в воду.

«Имущие и неимущие»: *богач* (21 текст), *владелец* (4 текста), *хозяин* (25 текстов), *кредитор* (5 текстов), *бедняк* (43 текста), *проситель* (1 текст), *нищий*, *нищая* (11 текстов). Как видно из этого перечня, имущественное положение также может служить обозначением персонажа. Традиционные мотивы образуют *бедняк*, *нищий*, *богач*, *хозяин*.

При всей традиционности обозначение *бедняк* в армянских волшебных сказках не несет значительной смысловой нагрузки, легко заменяется другими обозначениями, благодаря этому социальная окрашенность его подчеркивается несильно. *Богач*—персонаж, в ряде сказок противопоставляемый бедняку. Но, как правило, этой оппозиции нет: обозначение *богач* применяется независимо от того, есть ли рядом бедняк или нет. *Богач* еще менее, чем бедняк, наделен своим специфическим кругом действия.

«Духовные лица». В армянских волшебных сказках действуют как христианские, так и мусульманские духовные лица.

Христианские: *архиерей* (1 текст), *дьякон* (3 текста), *священник* (15 текстов), *звонарь* (6 текстов), *отшельник* (2 текста). В этом перечне наиболее специфическое амплуа имеют *священник* и *звонарь*. Первый неизменно появляется в сюжете АТ 945 II—оживляет сделанную из дерева девушку; второй присутствует, как правило, в сюжетах АТ 450 и 451—сообщает царевичу, что девушка, брошенная в воду, зовет его.

Мусульманские духовные лица насчитывают всего два обозначения: *дервиш* и *мулла*.

Дервиш (*դերվիշ*)—мусульманский бродячий монах. Мотивный указатель свидетельствует о большой популярности этого персонажа—он появляется в 53 текстах. Это вдвое превышает количество текстов со всеми христианскими духовными лицами, вместе взятыми. Действия, которые совершает *дервиш*, весьма специфичны: он врачует больных, оживляет мертвых, дарит герою волшебный предмет, учит его, как выполнить трудную задачу, дает бездетному человеку яблоко и т. д. Этот последний мотив встречается особенно часто—в 15 текстах. Существуют и его варианты: рассыпал просо под бездетной царицей; дал бездетному царю лекарство; обещал, что у бездетного царя родится сын; наколдовал, чтобы царь имел сына; посоветовал бездетному царю вести праведный образ жизни; упав в яму, обещал бездетному человеку ребенка, если он вытащит его (все—по одному тексту). Сюжеты, в которых чаще всего фигурирует *дервиш*, это АТ 561 и 311.

Характеристика *дервиша*—двойственная: он может быть носителем и злого, и доброго начала. При всей таинственности этого персонажа,

колдуна и знахаря⁷, несомненной сказочной традиционности, есть в нем и житейская обыденность—слишком примелькалась эта фигура в старой армянской деревне. Немецкий путешественник Гакстгаузен, посетивший Армению в 1843 г., приводит в своей книге слова Хачатура Абовяна, характеризующие дервишей: «Эти магометанские бесчестные странники бродят всюду по Армении, они постоянно носят с собою блюдо и огромный рог. Бесстыдство их чрезвычайно; если они недовольны сделанным им подарком, то целые сутки остаются на месте, трубя по временам в свой рог, издающий отвратительные звуки, и проклинают, и ругают скромных подателей. Мы, дети, до того их боялись, что если шалили, то родителям нашим стоило только пострашать нас дервишем, и мы тотчас унимались»⁸. Далее Гакстгаузен, не раз встречавшийся с дервишами во время своего путешествия, пишет: «Дервиши (нищенствующие странники) кормят себя... снискиваемой ими милостынею, но вообще они очень достаточны. Дервишем может быть всякий, но только те из них могут проложить себе дорогу и успевать, которые имеют смешленость, именно должны они знать все предания: в обоих отношениях они несколько похожи на странствующих армянских певцов... Никто не смеет отказать дервишу в милостыне: мусульманин почел бы это за грех. Часто должно давать им известное подаяние, которое они требуют, даже сам персидский шах не избавляется от обязанности одарить дервиша, когда он подходит к нему»⁹.

Обозначение *дервиш*—яркий пример того, как персонаж, имеющий устойчивую традицию в репертуаре всего ближневосточного региона, одновременно обладает и прочными бытовыми корнями местного характера. Этим и объясняется его особая популярность и распространенность. Персонаж, не утрачивая присущих ему сказочных атрибутов, приобретает зримую жизненную конкретность.

Из анализа обозначений по сословному статусу явствует, что среди них есть персонажи, имеющие давнюю традицию обращения в сказочных сюжетах,—это *царь, царица, царица, царевна, царевич, везир, крестьянин, бедняк, богач, слуга, священник, дервиш*. Эти персонажи имеют высокую частотность, в том числе *царь*—наивысшую, и именно они в основном выступают в роли героя или его ближайшего окружения (помощника, дарителя, антагониста и др.). Остальные персонажи, обозначенные по сословному признаку (а их подавляющее большинство),

⁷ «К числу волшебных персонажей принадлежит также таинственный дервиш, который является людям во сне или встречается им по дороге и неизменно дает благие советы»—Н. К. Дмитриев, Турецкие сказки, стр. 12. «Дервиш—мусульманский нищенствующий монах, чаще всего странствующий, лечащий заклинаниями, молитвами и торгующий различными амулетами. В азербайджанских сказках это обычно фигура зловещая. В них дервиш совершает козни при помощи колдовства и обладает качествами оборотня»—Азербайджанские сказки, Баку, 1956, стр. 332.

⁸ А. фон Гакстгаузен. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857, стр. 201.

⁹ Там же, стр. 241.

место Древней Руси», где он различает одиннадцать групп городских ремесленников. Вне этого числа остались такие профессии, которые «не являются ремеслом в полном смысле этого слова, так например: повара, лекари, возчики, плотгоны, скоморохи, гудцы, гусяры, архитекторы, лекари и др.»¹¹ Наш список обозначений включает и те и другие профессии. Систематизация их по характеру труда позволила выделить ряд групп, а внутри их—небольшие подгруппы наиболее близких друг другу профессий. Группы эти следующие: 1) профессии интеллигентные, связанные с творческим или умственным трудом; 2) связанные с торговлей; 3) связанные с транспортными средствами, передвижением; 4) профессии-ремесла; 5) профессии сферы обслуживания; 6) сельские; 7) презираемые профессии.

Понятно, что деление это в какой-то мере искусственно, хотя бы потому, что оно учитывает не реально существующие профессии, а только те из них, которые упоминаются в армянских волшебных сказках. Поэтому те или иные обозначения вносятся в ту или иную группу с известной натяжкой, и это неизбежно, в противном случае пришлось бы вводить очень много рубрик, чтобы каждому персонажу найти его место. Поясним это на примерах. Обозначение *канатоходец* помещено нами в 1-ю группу — «интеллигентные профессии, связанные с творческим или умственным трудом», т. е. рядом с ашугом, зурначи, художником, так как люди этой профессии издавна считались своего рода актерами. Г. Гоян пишет, что в середине XIX в. в Константинополе, Тбилиси, Ереване, Старом Нахичеване, Тавризе и других городах выступал «Арамян татрон» (Армянский театр), в котором в числе других номеров «демонстрировалось старое искусство «ларахахачев» («играющих канатоходцев») в виртуозном исполнении: например, на канате разрывались пантомимические сцены вроде сооружения дома... и т. д.»¹².

В этой же группе соседствуют *доктор, лекарь, повитуха*. Последнее обозначение нашло здесь место как название профессии, продолжающей ряд занимающихся медициной, здоровьем, исцелением людей. За ними логически следуют *гадальщик, гадалка и колдун, колдунья*, искусство и умение которых сродни искусству *лекаря, знахаря*.

Ашуг (*աշուղ*)—фигура очень типичная для Востока, однако в сказках он играет малозаметную роль. В одном из текстов *ашуг* дает бездетному царю яблоко; здесь, как мы уже говорили, более характерен *дервиш*.

Художник (*իվարիչ*) совершенно неожиданно возникает в сюжете АТ 313: «художник срывает в поле цветок, приносит домой—цветок превращается в девушку» (АНС, т. 5, № 23, текст записан в 1930 г. от сказительницы старше 50 лет). При всей случайности обозначение это в то же время очень характерно как примета нового времени, как

¹¹ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 509.

¹² Г. Гоян. 2000 лет армянского театра, т. 2. Театр средневековой Армении, М., 1952, стр. 373.

свидетельство перемен, происшедших в сознании и в лексике армянской деревни.

Канатоходец (*բլանդրբազ*), несмотря на свою типичность для восточной действительности, фигурирует всего в одном тексте, хотя данный тип повествования—АТ 311+956В—не столь уж редок в нашем своде (6 текстов). Подобного рода отклонения от привычной сюжетной схемы, привнесение новых нетрадиционных персонажей лучше всего позволяет видеть то, что отличает индивидуальное творчество одного сказителя от другого и, соответственно, один вариант сюжета от другого. Сказитель (текст записан в 1913 г. Е. Лалаяном) не только вводит новое обозначение, но и описывает выступление канатоходца с точностью очевидца: «Он протянул веревку перед царским дворцом и начал играть, выкидывал такие штучки, что весь народ катался со смеху» (АНС, т. 2, стр. 360).

Стоит остановиться на обозначении *инженер* (АНС, т. 1, № 26, текст записан в 1914 г. от мужчины старше 60 лет, в селе Парпи). «Инженер (*ինժեներ*), приглашенный девушкой, начертил фасад (*ֆասադ*) дворца». Эти два слова—«инженер» и «фасад»—очень ценны не по своей роли в сюжете, а сами по себе. Разумеется, было бы интересно выяснить, какими путями они попали в лексикон армянского крестьянина, но в конечном счете это не так уж и важно. Важно другое—своим присутствием эти обозначения с несомненностью доказывают то, что в повествовании фигурируют не только «те лица, которые будут играть свою роль в развитии действия». Правда, что «фольклор не знает персонажей, которые вводятся ради описания среды, общества»¹³. Но правда и то, что в сказках порой попадают персонажи, не играющие никакой роли в сюжете, однако как-то характеризующие среду, в которой бытуют эти сказки. Эту роль обычно выполняют обозначения нетрадиционные, неспецифичные, необязательные в сюжете, например *инженер, жандарм, пристав*.

Профессий, связанных с торговлей, восемь: *купец* (78 текстов), *старшина купцов* (2 текста), *приказчик* (2 текста), *лавочник* (3 текста), *коробейник* (1 текст), *продавец* (7 текстов), *хантарчи* (весовщик, 1 текст), *меняла* (4 текста).

В этой группе наиболее выразительная фигура—*купец* (*սովորաբար*). По высокой частотности он занимает первое место среди персонажей, отмеченных профессиональным знаком.

Купец—носитель традиционных мотивов, связанных с определенными типами сюжета—АТ 881, 938, 892. В этих типах повествования *купец* является одним из главных действующих лиц. В других же сказках он выступает как эпизодический персонаж. Но и в том, и в другом случае это фигура хорошо знакомая, привычная, которая органично входит в ситуацию как бытовую, так и фантастическую. Герою и героин-

¹³ В. Я. Пропп, указ. соч., стр. 91.

не *купец* большей частью встречается на дороге—так было, очевидно, и в реальной действительности. Издревле Армении пересекали транзитные пути международной торговли. Армянские купцы имели «мировые связи и постоянные сношения с крупными центрами левантской торговли»¹⁴.

В ряде текстов *купец*—мудрый человек, имеющий большой жизненный опыт, советчик и наставник героя. Но нередко он фигурирует и как отрицательный персонаж—клеветник и завистник.

Из остальных персонажей этой группы более или менее устойчивая традиция связана с обозначением *меняла* (*սրիֆ*): оно встречается нечасто, отношение к нему отрицательное, распространяющееся и на сына менялы.

Профессии, связанные с транспортом, передвижением: *лодочник* (12 текстов), *пароходчик* (1 текст), *караванщик* (4 текста), *носильщик* (3 текста), *скороход* (3 текста), *пловец* (5 текстов). Все обозначения этой группы имеют, кроме пароходчика, устойчивую традицию.

Самая высокая частотность у обозначения *лодочник* (*լոճիկ*). Только в двух из двенадцати текстов он выполняет служебную роль. Во всех остальных текстах персонаж этот является носителем специфических мотивов, встречающихся в определенных типах повествования, чаще всего в сюжете АТ 881: хотел овладеть девушкой (3 текста), перевозил юношу и женщину через море, задумал убить юношу, чтобы овладеть женщиной (3 текста), в мыслях возжелал дочь священника (1 текст) и т. д.

Пароходчик (*պարիկ*) встречается в одном-единственном тексте: убегая вместе с юношей от преследования своего отца, девушка ставит на море пароход (*պարիկ*), юношу превращает в *пароходчика*. Здесь мы снова встречаемся с заимствованием слов из русского языка (ЛПС, т. 8, № 17).

В группе «Профессии-ремесла» мы различаем три подгруппы. В первую входят мастера-металлисты, в том числе обрабатывающие цветные и благородные металлы: *кузнец* (11 текстов), *коваль* (1 текст), *лудильщик* (1 текст), *оружейник* (1 текст), *ювелир* (22 текста).

«Еще с древних времен кузнечное дело было самым массовым и распространенным ремеслом»,—пишет В. А. Абрамян¹⁵. Кузнецы жили как в городе, так и в селах, где они изготавливали орудия сельскохозяйственного производства. Фигура кузнеца была привычна, хорошо знакома и по повседневной жизни, и по многочисленным преданиям и легендам. «...Наибольшее количество поверий, легенд, обрядов связано с важнейшим ремеслом—кузнечным,—пишет Б. А. Рыбаков.—Загадочный процесс превращения руды в железо,ковка раскаленной докрасна полосы, тайна закалки в воде и в струе воздуха, хитроумные приспособления для литья и смелое обращение кузнеца с огнем—вся эта нео-

¹⁴ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, стр. 277.

¹⁵ Ч. Արրիշիկյան, указ. соч., стр. 43.

бычая для пахаря производственная обстановка неизбежно ставила в его глазах кузнеца в обособленное положение. У всех народов мира кузнецы считались какими-то необычными, сверхъестественными существами, колдунами, чародеями, с одной стороны, благодетельными, с другой — опасными, как все чародеи»¹⁶.

В армянских волшебных сказках кузнец—персонаж не столь выразительный, не овеян особой таинственностью. Он—доброжелатель и помощник героя, изготавливает для него дубину, ружье, испытывает его силу, но окраска его скорее бытовая, нежели чудесная, хотя он явно выделен среди других мастеров-ремесленников.

Ремесло ювелира (*ղարգար*) также было широко распространено в Армении с древнейших времен¹⁷, но частое его присутствие в сказочных текстах объясняется не столько этим, сколько традиционностью персонажа для репертуара всего ближневосточного региона.

Ко второй подгруппе мы отнесли ремесленников, работающих по камню и дереву: *каменщик* (8 текстов), *пильщик* (1 текст), *плотник* (15 текстов).

«Наиболее развитыми и почитаемыми ремеслами в Армении были ремесло каменотеса и каменщика—кладчика стен»¹⁸. В армянских волшебных сказках с мастером-каменщиком связан устойчивый мотив, повторяющийся в семи текстах: оживленный юношей покойный мастер строит дворец для царя. Мотив этот встречается в различных типах повествования, где царь дает трудные задания юноше, напр. АТ 513С и 550¹⁹.

Обозначение *плотник* (*ղորգար*) имеет в этой подгруппе самую высокую частотность, причем в десяти текстах из пятнадцати встречается мотив с деревянной куклой, сделанной плотником, одетой портным и оживленной священником (АТ 945 II).

И, наконец, третья подгруппа включает в себя обработку кожи и ткани: *портной* (15 текстов), *сапожник* (2 текста), *седельщик* (1 текст), *чесальщик шерсти* (2 текста). Среди этих обозначений чаще всего встречается *портной* (так же, как и *плотник* в типе АТ 945II).

К группе «профессии-ремесла» мы относим также обозначения, состоящие из словосочетаний *ученик кузнеца* (1 текст), *ученик ювелира* (3 текста), *ученик лудильщика* (1 текст), *ученик плотника* (1 текст), *ученик сапожника* (1 текст), *ученик пекаря* (1 текст), *ученик мяоника* (1 текст).

Из десяти текстов в восьми появляется один и тот же мотив: *царевич* поступает в ученики к ювелиру, кузнецу, портному и т. п. Этот

¹⁶ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 485.

¹⁷ Չ. ւրրիշիւրի, указ. соч., стр. 85.

¹⁸ Там же, стр. 272.

¹⁹ См. об этом мотиве: А. Ганалаян, Отражение памятников зодчества и камнерезного искусства в армянском фольклоре, «Второй международный симпозиум по армянскому искусству», Ереван, 1978, стр. 2.

мотив Н. К. Дмитриев считает отражением жизни ремесленных цехов²⁰. Институт ученичества был известен и в Армении. В. А. Абрамян пишет, что уже «в X—XIV вв. среди ремесленников Армении особое место должны были занимать подмастерья и ученики. Иначе трудно представить себе развитое состояние ремесел, в частности в XVII—XVIII веках, когда число их несравненно возрастает»²¹. В армянских волшебных сказках мотив, связанный с учеником ремесленника, получает широкое распространение, опираясь, с одной стороны, на существующие институты реальной жизни, с другой—на устойчивую сказочную традицию, распространенную, по всей видимости, в регионе.

Следующая группа объединяет профессии сферы обслуживания: *банищик* (5 текстов), *банищица* (1 текст), *истопник* (1 текст), *мельник* (24 текста), *мясник* (6 текстов), *парикмахер* (1 текст), *повар* (1 текст), *пекарь* (5 текстов).

Высокая частотность обозначения *мельник* (*շղջուցի*) объясняется не только его традиционностью, связью с определенными сюжетами и мотивами, но и во многом условиями бытования сказок—не исключено, что именно мельница была тем местом, где в основном рассказывались сказки.

Профессии сельские. В целом занятия, связанные с сельским хозяйством, полем, лесом, имеют самую высокую частотность, так как именно в этой группе все обозначения традиционные, случайных, нехарактерных среди них нет: *пахарь* (3 текста), *косарь* (1 текст), *огородник* (13 текстов), *садовник* (7 текстов), *конюх* (11 текстов), *пастух* (70 текстов), *свинопас* (1 текст), *дровосек* (2 текста), *сборщик хвороста* (7 текстов), *охотник* (19 текстов), *рыбак* (28 текстов). Большая часть этих персонажей выступает в роли героев повествования, это *пахарь*, *пастух*, *дровосек*, *сборщик хвороста*, *охотник*, *рыбак*. Явное преобладание персонажей этой группы в своде объясняется не только традициями, общими для всего региона²², но и социальным и профессиональным составом сказителей. Очень большая часть корпуса (95%) записана среди сельского населения—от земледельцев, огородников, садовников, пастухов. Поэтому и представители сельских профессий так непринужденно и органично входят в повествование, исполняя роли как главные, так и проходные, эпизодические. Особенно характерен в этом отношении *пастух* (*չորի*). Он является и героем сказки, и отцом юноши или девушки, и буквально первым встречным на пути героя. Обозначение *пастух* получает любой проходной персонаж, настолько оно знакомо и привычно, на языке у всех.

²⁰ Н. К. Дмитриев. Турецкие сказки, стр. 17.

²¹ Ч. Աբրահամյան, стр. 242. См. у Б. Рыбакова: «Ранее всего институт ученичества и подмастерьев должен был возникнуть в сложном ювелирном деле» — указ. соч., стр. 513.

²² «Чаще всего в сказках фигурируют пастухи, рыбаки и, особенно, дровосеки. Они являются любимцами сказок, и их жизнь и мораль противопоставляется жизни падишахов и беев» — Н. К. Дмитриев, Турецкие сказки, стр. 17.

Охотник и *рыбак* уступают по частотности *пастуху*. *Сборщик хвороста*—также один из популярных героев армянских волшебных сказок (возможно, в некоторых текстах он заменил *дровосека*).

Конюх выполняет роль служебную, образуя мотивы-связки: «*конюх* увидел, что царские жены вместе с разбойниками едут в пещеры, предложил царю поменяться с ним платьем, остаться на ночь в конюшне», «*конюх* подстерег девушку, которая таскала из конюшни миндаль и изюм» и т. д.

Обозначения *атаман*, *разбойник*, *вор*, *убийца*, *гуляки* объединены нами в группу «нечестивые профессии». Наиболее часто встречаются в армянских волшебных сказках *атаман* (հարիւրաշէր) и *разбойники* (հարիւր). Отношение к ним в основном отрицательное, подчеркивается их распутное поведение: *атаман* обманом женился на царевне, увел в лес, чтобы сжечь (4 текста); *разбойники* хотели овладеть женщиной (4 текста), похитили девушку и ее детей, похитили царицу (2 текста), вместе с царскими женами каждую ночь ездили на царских конях, к ним ездила жена царя Синана (2 текста). Кроме того, *разбойники* выступают в свойственной им роли—грабят, убивают. Случается, что *атаман* и *разбойники* заменяют другой традиционный персонаж; так, в сюжете АТ 311 *атаман* заменяет *дервиша*; *разбойник* убивает птенцов птицы Змрухт (обычно это делает *вишан*); *разбойники* появляются из табакерки вместо арапов и т. д.

Профессии-ремесла и профессии, связанные с сельским хозяйством, наиболее значимые в жизни, заняли главенствующее положение и в сказках. Очевидно, это произошло уже давно, так как образовалась устойчивая традиция, связанная с этими обозначениями.

Все профессии, представленные в сказках, уже в древности были известны в Армении. Большая часть их упомянута в перечне старинных профессий, приведенном в книге В. А. Абрамян. Новые профессии—*инженер*, *пароходчик*—очень редки, существенной роли в повествовании не играют.

Предметный и количественный анализ обозначений персонажей позволяет в какой-то мере раскрыть изнутри содержание армянских сказок, показать, кто, с какой частотой и в каких ситуациях действует в повествовании. Разумеется, весь внутренний мир сказок в его конкретном предметном выражении может быть выявлен только в том случае, если такому анализу будут подвергнуты все упоминающиеся в сказках реалии. Избранная нами методика составления и изучения мотивного указателя дает возможность не только зафиксировать эти персонажи и реалии, но и определить их иерархию, отделив часто повторяющиеся, традиционные, специфические от единичных, нетрадиционных, случайных.

В пределах одной статьи невозможно даже вкратце охарактеризовать полученные результаты. Однако рассмотренный нами довольно ограниченный материал приводит к выводам, имеющим отношение ко всему репертуару, причем эти выводы основаны не на предвзятых те-

ориях и не поддающихся проверке впечатлениях, а на точных количественных подсчетах.

Итак, персонажей, связанных с житейской повседневностью, в армянских волшебных сказках подавляющее большинство, из них 64 обозначены по профессиональному признаку, 57—по сословному. Наиболее распространено обозначение по профессии. Именно в этой группе больше всего персонажей нетипичных, неказочных. Присутствие в повествовании персонажей, не играющих никакой роли в сюжете, говорит о том, что в живом бытовании сказки есть тенденция вовлекать в свою структуру не только исполнителей определенных функций, но и персонажей, действия которых не имеют морфологического значения. Обычно персонажи эти берутся из той сферы действительности, которая хорошо знакома сказителю. Из уже приведенных примеров ясно, что наибольшее число обозначений такого рода—нетрадиционных—дает сфера профессиональных занятий человека.

Анализ обозначений показывает, что армянские волшебные сказки испытали влияние, с одной стороны, ближневосточного репертуара, с другой—современной действительности.

Быт, реальность оставили очень глубокий след на армянских волшебных сказках, причем реальность сравнительно не старая: среди персонажей есть обозначения, имеющие достаточную давность, но исчезнувших, не функционировавших в конце XIX—начале XX вв. (т. е. ко времени формирования свода) нет. Это говорит о том, что сказки, сохраняя стабильный сюжет, вбирают в себя многие значимые приметы времени.

Значение этих локальных выводов очевидно: во-первых, они приподнимают завесу над тем трудно определимым явлением, которое принято называть местным колоритом; во-вторых выявляют особенности репертуара, сближающие его с репертуаром других народов, и, наконец, в-третьих, кое-что проясняют и в вопросах жанра, например обозначения персонажей, их традиционности, взаимозаменяемости, их проницаемости для различных явлений современной действительности.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀՐԱՇԱՊԱՏՈՒՄ ՀԵՔԻԱԹՆԵՐԻ ԳՈՐԾՈՂ ԱՆՁԻՆՔ
ԸՍՏ ԴԱՍԱՅԻՆ ՊԱՏԿԱՆՆԵԼՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՐՀԵՍՏՆԵՐԻ

(Քանակական վերլուծության փորձ)

Բանասիր. գիտ. քեկնածու՝ Ս. Ա. ԳՈՒԼԼԱԿՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Սույն հոդվածում փորձ է արվում քանակական վերլուծության մեթոդով ի հայտ բերել, թե պերսոնաժների որ անվանումներն են առավել տիպական հայկական հրաշապատում հեքիաթների համար: Հետազոտության նյութ են հանդիսացել Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի տասնատորյակի և նախասովետական շրջանի մի քանի հրատարակությունների հրաշապատում հեքիաթները: Բոլոր պերսոնաժներն ու նրանք

հետ առնչվող մոտիվները բացահայտվել են մեր իսկ կադմած մոտիվների ուղեցույցի միջոցով:

Պերսոնաժների անվանումների առարկայական և քանակական վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հայկական ռեպերտուարում առավել տարածվածն ու ավանդականը պերսոնաժների անվանումներն են ըստ իրենց դասային և մասնագիտական հատկանիշների:

Հայկական հրաշապատում հեքիաթներում ներկայացված են հասարակության տարբեր սոցիալական խավեր, այդ թվում ամենաբարձր (թագավոր, վեզիր) և ամենացածր (մուրացկան), տարբեր մասնագիտական զբաղմունքներ՝ սկսած ավանդականից (որսորդ, ձկնորս, դարբին, հյուսն) մինչև նորագույնը, ոչ բնորոշը (ինժեներ): Քանակական հաշվարկումը հնարավորություն ընձեռնեց որոշել անվանումների հիերարխիան, առանձնացնելով հաճախ կրկնվողը, ավանդականը եզակիից, պատահականից: Ավանդական անվանումների մեջ քիչ շին այնպիսիք, որոնք ժամանակակից իրականության ու կենցաղի տարբեր բնագավառների ծնունդն են:

Պերսոնաժների, սյուժեի մեջ նրանց դերի վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս որոշ եզրակացությունների հանգել այն առանձնահատկությունների մասին, որոնք հայկական ռեպերտուարը կապում են այլ ժողովուրդների հեքիաթների հետ, և շրջապատող կյանքի այն երևույթների մասին, որոնք ազդեցություն են գործել հայկական հրաշապատում հեքիաթների վրա: